
ШАРА И АСТХИК – ВЕРХОВНЫЕ БОГИ ШИРАКА

ЭММА ПЕТРОСЯН

В среде земледельцев важное место занимают два основных обряда: обеспечение удачного посева и жатва. С ними связаны основные ритуалы и театрально-зрелищные представления.

В армянском пантеоне нет прямого упоминания о богах – покровителях земледелия, но все-таки есть косвенные свидетельства историков¹, а также бытовавшая вплоть до начала XX в. обрядовая сцена суда Шах (Хан, Паша) на масленицу и земледельческая терминология. При реконструкции жатвенной мистерии мы пользуемся сопоставлением шумерской, хетто-лувийской, греческо-римской и армянской традиций как наследия народов типологически единого земледельческого региона.

Основным образом в нашей реконструкции является Шара, известный в шумерской мифологии как правитель города Уммы и сын, возлюбленный “владычицы небес”, “звезды утреннего восхода” Инанны, соответствующей по функциям армянской Астхик. Имя Шара четыре раза упоминается также в “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци. В мифологии малоазийских народов он известен как Шарма/Сарма, Сарумма и т. п.

---

¹ *Ա գ ա ն թ ա գ ե ղ ո ս*. Հայոց պատմություն, Երևան, 1983, § 809, в триаде языческих богов Аштишата упоминается: «...երկրորդը՝ Ոսկեմայր Ոսկեծի՛ն աստվածուհու և բազի՛նը այս անվամբ էլ կոչվում էր Ոսկեհատ Ոսկեմայր դիցուհու...»: В армянской филологии принято считать, что историк приводит прозвища богини Анаит и *Ոսկեհատ*: Ղ և ո ն ղ Ա լ ի շ ա ն. Հայոց հին հավատքը կամ հեթանոսական կրոնը, Երևան, 2002, էջ 142 поясняет: «*ոսկեհատ – ոսկեղեն հատիկներ են*»: Հ. ր. Ա ճ ա ո յ ա ն. Հայերեն արևատական բառարան (далее – ՀԱԲ), հ. III, Երևան, 1977, էջ 50 наряду со значением *հատ – կտրելը, հատուած, կտրը* приводит выражение, где термином *հատ – մեկ հատիկ սերմ, ունը, մանավանդ ցորենի կամ ուրիշ հացաբույսի*, а также *հատիկ սերմ*: Эти данные позволяют нам считать богиню Анаит матерью и богиней Зерна, матерью Жатвы. Если учесть, что слово *ծիւ* по ՀԱԲ означает не только «*ծնունդ, ծագում, բունը*», но и «*բնկերք*», тогда *Ոսկեծիւ* – рожденная в золотой рубашке (ՀԱԲ, 1973, հ. II, էջ 457): Второе свидетельство о божестве Жатвы приводит Аняния Ширакаци (Космография. Ереван, 1962, с. 69), объясняя происхождение Млечного пути: “Некоторые из первых армян также говорили, что суровой зимой Ваагн, предок армян, украл солому у Баршама, предка ассирийцев, что у нас, по преданию, и называют следом вора соломы”. Баршама, владельца соломы, можно считать жнецом – богом Жатвы. О Ваагне, как о божестве Жатвы, у которого нехватало или не было соломы см. далее в тексте статьи.

Шумер хотя и был далек от территории расселения армян, но основные транспортные артерии из Шумера на север шли по Тигру и Евфрату, а некоторые археологические находки последних лет в Армении указывают на их отношение к Междуречью.

Мовсес Хоренаци, отмечает, что прадед Шара hАйк из Вавилона со своими детьми и всеми домочадцами отправился на землю Араратскую. Его внук Арамаис "сына же своего Шара, *многодетного и прожорливого* (здесь и далее текст подчеркнут мной. – Э. П.), отсылает со всем его людом и скорбом в ближнюю долину... Говорят, что по его имени и область получила название Ширак. Этим, видимо, и объясняется поговорка, принятая среди крестьян: "Коль у тебя глотка Шара, говорят, то у нас не ширакские амбары" (Хор. I, 12).

Понятие обжорства в древнем мире было связано с изобилием зерна. "У сицилийцев есть святилище Обжорства и статуя Деметры Хлебной, вблизи которой сооружено святилище Гималиды, подобно этому в Дельфах есть храм Гермуха, а в беотийской Сколе – статуя Великого Хлеба и Великой Лепешки"². О храме Деметры и Кору в городе Скола упоминает Павсаний (IX,4,4). Вероятно, об этом же храме, где Лепешка символизировала Кору (Деву) рассказывает Полемон Перизгет (конец III – нач. II в. до н. э.).

В древнем Риме пирог, лепешку из тертого сыра, пшеничной муки, яиц и масла пирог называли *libum* (*lib/lit?*). Так же называли жертвенный пирог, приносимый богам в дни рождения³. В то же время в имени римского бога жатвы Литиэrsa основа *lit/lid*⁴, т. е. название ритуального хлеба совпадает с именем божества.

В хеттских ритуалах большое место занимала раздача разных видов хлеба. В ритуале Хассумас "Царевич обходил (делал круг) богиню Царицу, бога Грозы города Ципланда и божество Солнца с пятью теплыми хлебцами, с десятью влажными (размягченными) и десятью сладкими хлебами *такарома*, одной мерой пива и одной мерой *марнувы*"⁵. В другой момент обряда царевичу приносили также ячменные хлеба, горсти крупы. А на ритуал Килам вблизи нижних ворот храма бога Зерна из зернохранилища города Анкувы в

² П о л е м о н П е р и з г е т. Фрагменты. – Вестник древней истории. М., 1983, № 3, № 39, пер. С. В. Поляковой. В прим. к ¹ 39 Полякова отмечает: "Святилище Обжорства (Адэфагии) и статуя Деметры Хлебной упоминаются у Элиана (1,27). Гималида (Мучная) – один из эпитетов Деметры как богини, дарующей зерно." Элиан также приводит имена известных обжор и добавляет, что в Сицилии было святилище Обжорства и статуя Деметры Сито (Хлебодарная).

³ Латинско-русский словарь (далее – ЛРС). Составитель И. Х. Дворецкий, М., 1940. См.: *libum*. Ср. *litamen* – жертва, жертвоприношение.

⁴ Древнегреческо-русский словарь (далее – ДГРС). Составитель И. Х. Дворецкий, М., Т. 1-2, М., 1958. См.: греч. *litra* – литра, сицилийская монета, соответствует лат. *libra* – римскому фунту. Оба значения связаны с понятием меры.

⁵ В. Г. А р д з и м б а. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, с. 40.

Хаттусу привозили и выставляли сосуд с пивом, шарики из теста, одного быка и овец. “К этому приношению подходил человек жезла, брал шарики и бросал их под ноги царю”⁶. По всей вероятности, бросание хлебных шариков на землю означало жертвоприношение богам преисподней. Заметим, что в обрядах замешивание теста, вылепливание из него лепешки, шара и т. п. может также символизировать сгущение первовещества или акт творения.

В. Г. Ардзимба приводит несколько малоазийских названий ритуальных хлебов: жертвенный хлеб под названием “луна”; хлеб с изображением солнца, луны и звезд – “небо”; зооморфные хлеба, а также антропоморфные и теоморфные: хлеб бога Грозы Тапарвасу – *tararwasa* (из хаттск. *tabarna/labarna* – *tarar/tawar*), хлеб богини Нинатта – *ninattanni*, хлеб *хали* (от Халди? – Э. П.), закусочный хлеб *vagata*.

В весеннем обряде Килам во время церемонии людям Ангуллы раздавали двадцать хлебов *хали*, два закусочных хлеба *vagata*, пятнадцать хлебов *sagata*. По всей видимости, часть этих священных лепешек были “детьми” хеттской богини Зерна Каит. Археолог А. С. Пилипосян полагает фонетическую связь хлеба *sagata* / *šagata* с именем бога Шара⁷, что вполне вероятно.

В настоящее время не всегда можно определить, как выглядели многие печенья, посвященные тому или иному божеству, но археологические находки глиняных штампов и традиция использования деревянных штампов для хлебов в среде армян вплоть до наших дней позволяет утверждать, что форма лепешек повторяла форму сакральных символов того или иного божества, напр. рогалики, баранки, куколки из теста “василы-басилы” и т. д. Современные розочки, завитушки, орнаменты на печеньях фактически повторяют древнейшую традицию оформления ритуальных хлебов, и не случайно, что торт со свечами как вид жертвоприношения с целью обеспечения долголетия обязателен на праздновании дня рождения.

В лувийских царствах Малой Азии часто упоминаются имена божеств, в основе которых *šar* / *sar*. Анализ функций этих богов помогает охарактеризовать и расширить этимологические границы основы *šar* и проследить значение этой основы и производных слов в армянской традиции.

Исследователь лувийских иероглифических текстов А. Косян приводит надпись, обнаруженную чуть севернее Киликийских ворот: “Парахвара, сын Атиса, внук Нунаса, ко мне мой господин (бог) Сармас хорошо относится...”⁸ Еще раз в надписи имен богов на рельефах в *Malatya* VII упоминается бог

⁶ Там же, с. 30.

⁷ *Մ. Ս. Փ ի լ ի պ ու յ ա ն. Հայկական շարան և հինարևելյան գուգահեռները. – Շիրակի պատմամշակութային ժառանգությունը, Հանրապետական հինգերորդ գիտաժողով, Գյումրի, 2002, էջ 24-26:*

⁸ А. В. К о с я н. Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII–VIII вв. до н. э. Ереван, 1994, с. 37.

Сармас – царь Горы и царь Сулумили⁹. Основа sar(a) встречается и в названии города Sara/imunta: Sa+ra/ i- tu-tara-i; в тексте: “Я, Саруванис, tarwaniš владыка города Нахита, мне боги мудрость дали, и я в области, иду, и этих лошадей пасу”. Как царь Кархемиша назван Шарри-Кушух¹⁰.

Анализируя наскальный рельеф Язылы-кая, О. Р. Герни, указывая на фигуру 35 – бог Луны Кушух, сравнивает его с Шарри-Кушух, братом Мурсили II, где хуррит. Кушух – луна. Он же отождествляет имена Шарма и Шаррума как сына хурритского бога Грозы Тешуба и его божественной супруги Хепат (Хепит), замечая, что в конце хеттский империи хурритский Тешуб был отождествлен с богом Грозы Хатти, а божественный сын Шарма – со своим напарником, богом Грозы Нерика и Циппалани Телепину, о котором его отец Бог Грозы говорил: “Этот сын мой могуч; он боронит и пашет, он орошает поля и растит колос¹¹. Итак, Шарма, наполняющий зерновые амбары, был божеством посева и жатвы.

Дж. Г. Маккуин, анализируя барельеф помещения “В” (боковая галерея) Язылы-кая, полагает, что рядом с маленькой фигурой царя Тудхалия IV изображен более крупный его личный бог-покровитель Шаррума (Шарма)¹². Другое изображение Шарма высечено на наскальном рельефе главной галереи Язылы-кая. Он стоит на священном животном льве за своей матерью Хепату (имя вырезано иероглифическим письмом), тоже на льве¹³.

Учитывая отмеченную В. Ардзимба связь имени божества, титула хеттских царей и названия ритуального хлеба¹⁴, можно предположить, что в обряде Килам одним из персонажей был также жрец бога Шара (Шарма, Шаррума, Шарри, Сару-ванис, Сара, Сармас) со своим “гастрономическим” кодом. Тогда Дева (Лепешка, šarama / Sarama) и ненасытный Шара составляли пару.

Можно сопоставить данные греческой и армянской мифологий и сравнить Шара с Эрисихтоном, который получил за обжорство прозвище Этон (Элиан, I,27). Греч. aithon – пылающий, раскаленный, пламенный, багровый, сверкающий, блестящий, огненно-рыжий, жгучий, мучительный, *сгорающий от голода* и т. п.¹⁵, а Эрисихтон – разрыватель земли, т. е. земледelec, пахарь. Скандинавский Тор (Донар) тоже имел “баснословный аппетит.” Прожорливость была присуща Кроносу и Сатурну – пожирателям своих детей, что дает право интерпретировать их как поглотителей своего семени.

⁹ Там же, с. 27.

¹⁰ Там же, с. 36, 55, 86.

¹¹ О. Р. Г е р н и. Хетты. М., 1987, с. 126, 123.

¹² Д ж. Г. М а к к у и н. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983, с. 131, 140.

¹³ О. Р. Г е р н и. Указ. раб., с. 127.

¹⁴ В. Г. А р д з и м б а Указ. раб. с. 102.

¹⁵ ДГРС. См.: aithon.

Арм. *šaragujn* (*šara-gujn*) – *šikakarmir*, *hrašek*, *hrakarmir*, *hragum*, *arnagujn*, *boš'agujn*, *arjunagujn*, *atašek*, *atragujn*, *šar*, *šaragin*¹⁶ – все слова соответствуют значению греч. *aithon* и передают цвет колосающей нивы, зрелой красной пшеницы (*karmrahat*), готовой к жатве. В то же время все эпитеты очень характерны цветовому коду сюжета Рождение Вахагна-драконоубийцы: пламенный, багровый, красненький, огненный (Хор. I. 31).

С Вахагном Шару связывает слово *k'ał* – убийство, жатва, точнее прополка, что также соответствует жатве. Дело в том, что все умирающие и воскресающие божества уподобляются рассаде, которую сначала надо убить (прополоть), а потом воскресить (снова посадить как вид вегетативного размножения). Не случайно термины греч. *satura* – панспермия, Сатурн с косой – символ жатвы, Сатурналии – масленичный праздник обжорства и насыщения, арм. *satir* / *satur* – “нож”, “секира”, *satur satur anel* – “расчленил на куски”; а также другое армянское слово *satir* – “рассада”, *satrel* – после посева, когда растение достаточно выросло, вырвать его (т. е. прополоть) и снова посадить¹⁷, находятся в едином семантическом поле. Это позволяет заключить, что оружием Шара как жнеца был серп (ср. серп – “молодой месяц”).

Нет сомнения, что оружием Вахагна тоже был серп, поскольку он был драконоборцем, т. е. расчленившим дракона на части, что символически передавало процесс жатвы. В Аштишате Вахагн почитался как возлюбленный Астхик – звездочки, и по всем законам астральной мифологии тоже был молодым месяцем.

Дж. Фрезер приводит множество примеров о том, что молотильщики имели обычай хватать чужаков, расправляться с ними. Пример “растерзания” бороды (символ снопа) и одежды беззащитного старика в танце Шарабуни (о нем речь пойдет ниже) мифологически передают ту же коллизию раздиранья, измельчения, растирания как “смерти и воскресения” через умножение. Заметим, что младенец Вахагн, Индра, Тор, Велес были рыжебородыми как несжатый последний небольшой букет колосьев, называвшейся бородой, который посвящали богу, иногда сплетая в косу. Примеры “заплетания” можно видеть на многочисленных рельефах переднеазиатских богов, у которых завита борода.

Г. Гютербок особо выделял некоторые обряды, совершавшиеся на весеннем празднике – ритуальную пахоту, *размол зерна*, изгнание слепого, облаченного в шкуру козла¹⁸. “Во время церемонии у очага (=алтаря) царевич вместе с людьми мололи зерно”¹⁹.

В армянских храмах была специальная должность ритуальных непорочных жриц-молольщиц, служивших в храме Луны. Они готовили специаль-

¹⁶ Հայոց լեզվի հոսանքի շնորհիվ բարձրան, կազմող Ա. Ս. Սուրբաջանյան, Երևան, 1967:

¹⁷ ՀԱԲ, հ. IV, էջ 181.

¹⁸ Цит. по кн.: В. Г. А р д з и м б а. Указ. раб., с. 42.

¹⁹ Там же, с. 41.

ные лепешки из смеси теста, меда и масла²⁰. Девы в Греции служили в храме Артемиды Эфесской, а у армян – в храме Девы Лусин-Пчелы (хет. Камрушепа).

В связи с мотивом обжорства снова обратимся к фригийцу Литиерсу, побочному сыну царя Мидаса (царя мушков), имеющего отношение к протоармянскому и урартскому пантеону. Он был жнецом и обладал огромным аппетитом. Когда какой-нибудь чужеземец попадал на поле или проходил мимо, Литиерс давал ему вдосталь наесться, после чего вел в поле на берегах реки Меандр и заставлял жать вместе с ним. Потом он обвязывал чужеземца колосьями в виде снопа, отсекал ему голову серпом и бросал его тело в реку. “Фригийское песнопение, исполняемое во время сбора урожая, то есть во время жатвы и обмолота, носило название *литиерс*”²¹.

Мы предполагаем, что слово *шара-(к)ан*, по аналогии с *литиерс*, тоже могло означать цикл священных песнопений в культе божества плодородия Шара. Не случайно, что Хоренаци упоминает его прожорливость, а в термине зернохранилище – *šaḡaḡah* (житница) основа тоже *šaḡ*. Ширакские амбары, полные зерна, несомненно имели отношение к храмовому хозяйству.

Большинство армянских археологов женскую богиню называют Анаит, хотя в древнеармянской литературе упоминаются также Нанэ, Астхик, Лусин, Артемис, Афродитэ и др. Конечно, все они изначально были богинями – матерями земледельческих племен и символизировали Зерно, сжатый урожай – сноп (*хиг*), хранящиеся в амбарах муку и ее продукт – Хлеб (Лепешки), но все-таки со временем в каждое имя стало вкладываться дополнительное содержание и разграничение функций богинь. Астральным кодом богинь Хлеба, Снопа у армян должны были быть Лусин (Луна), Арма, Мена, называвшиеся у разных племен также Астхик, Арусеак, Аршалуйс – Утренняя или Предраассветная звезда²².

Имя Шара, и в особенности потомков Амасии, связано с Армавиром – культовым центром Луны и Солнца, Артемиды и Аполлона (Хор. II, 8, 12.), тем более, что хет. и лув. *арма* – “луна”²³.

Этимологию эпонима Шара можно объяснить через армянскую основу *šaḡ*, которая входит в состав множества слов, обозначающих злой, свире-

²⁰ Э. П е т р о с я н. Боги и ритуалы древней Армении. Ереван, 2004, с. 130–140.

²¹ Д ж. Ф р е з е р. Золотая ветвь. М., 1980, с. 470.

²² И.-е. *(a)ster – “звезда”; сем. *-t-t-ḡ “обожествленная звезда” (Венера); хет. *astira*; арм. *ast*ḡ; греч. *aster*; лат. *stella*; акк. *istar* Иштарь, божество, символизируемое звездой; др.евр. *astoretm*; финик. *sttr* Астарта – богиня плодородия и войны. См.: В. М. И л - л и ч - С в и т ы ч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. – Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 3–12.

²³ Т. В. Г а м к р е л и д з е, В я ч. В с. И в а н о в. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II, Тбилиси, 1984, с. 685; Имя индоевропейского бога луны Арма заимствовано с тохарск. *уатт* – мера, др.-исл. *rit* – счет, См.: Мифы народов мира (далее – МНМ). Энциклопедия. М., 1982, Хетская мифология.

пый, мятежный, военачальник, темно-красный, багряный (ср. Вахагн), грохочущий, ревуший, ливень, сильный звук от колесницы, оружия, дождя, катящихся камней, отпрыск, побег-поросль, луч, шнурок для обуви²⁴. Все метафоры присущи характеристике бога Грозы многих народов.

Поскольку миф об Инанне и Шара имеет прямое отношение к почитанию луны, то приведем данные семитолога С. С. Майзеля. При условии, что звук *h* в армянском в середине основы, как придыхательный, довольно слаб, то можно сравнить этимологию имени Луны от “Arab. *šahr* – луна, молодой месяц <Nbr. *šahar-on* – серпообразное украшение, луночка (РВ) луна, полумесяц, Aram(Old) *šhr* – лунное божество²⁵. Тогда становится понятно, почему возлюбленным и сыном Инанны – “владычицы небес”, “звезды утреннего восхода” (планета Венера) был Шар(а) в значении “молодой месяц”, “луна”, “лунное божество”. И не случайно, что в святилище в Армавире – родине армянина Шара были поставлены статуи Луны и Артемиды, т.е. Лусин и Астхик (“звезды утреннего восхода”, Аршалуйс–Иштар–Инанны).

А. С. Пилипосян предлагает версию толкования имени Шара: круг, шар, клубок, молот также булава. Эта версия тоже содержит убедительные аргументы²⁶. Так, С. Н. Крамер упоминает бога ураганного южного ветра Нинурте, божественным оружием которого был Шарур²⁷. По всей вероятности, приведенные термины составляют семантический ряд как фонетически одинаково звучащие слова и входят в ритуальную лексику Шара, хотя не всегда этимологически обоснованы. Сюда же мы предлагаем включить название цветка арм. *šarašarik* – рубашка Шара, диалектное название которого *tardacatik* – человек-цветок. русск. яснотка – ясный (?), т. е. светлый (месяц?), арм. *šarmašul* – плющ (растение медиатор).

А. С. Пилипосян анализирует также большое количество древнеармянских сложных слов, где одна из основ является *šaga*. Из наиболее интересных наблюдений приведем несколько; *šagaraj* – идол с головой бычка; *šagaglux* – первопредок; *šagagah* – амбар, житница, а также шнурок на обуви. В контексте последнего термина А. С. Пилипосян приводит свидетельство О. Р. Герни о сыне божественной хеттской пары Тешубе и Хепат – Шарума (Шарма). “Этот бог был довольно убедительно отождествлен с божеством, симво-

²⁴ *ՀԱԲ, հ. III, էջ 496 – 497, Հայ – մուսուլմանական, Երևան, 1984, էջ 511:*

²⁵ С. С. М а й з е л ь. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983, с. 212.

²⁶ *Ս. Ս. Փ ի լ ի սյ ու յ ի ն, Указ. раб., с. 24:* Все термины приведены из *ՀԱԲ, հ. III*, но А. С. Пилипосян не всегда придерживается этимологии автора.

²⁷ С. Н. К р а м е р. Мифология Шумера и Аккада. – Мифологии древнего мира. М., 1977, с.131–132. Переводчик статьи С. Н. Крамера В. А. Якобсон в примечании пишет: “ Оружие богов, по шумерским представлениям, тоже было богом, хотя и низшего ранга. Шарур – булава (?) Нинурты, воинственного и грозного бога.” С. С. Майзель (там же, с. 158) приводит “буря”, Nbr sa’ar – sa’ar; Akk. sa’ar- (<Sem. *sa’r-) “ветер”.

лом которого в изобразительном искусстве была пара человеческих ног; он дважды изображен в Язылы-кая; один раз непосредственно следующим за своей матерью в процессии богинь, другой раз в малой галерее, сбоку от главного алтаря”²⁸. Нет сомнения, что имена армянского Шара и малоазийского Шарума (Шарма) фонетически схожи. Оба божественного происхождения. Шара – потомок прародителя-стреловержца (Громовержца) hАйка, а Шаррума – бычок бога Тешуба²⁹ – тоже потомок Громовержца (рис. 1).

Рис. 1. Хеттские боги. Со скального рельефа в Язылы-кая.

В урартском городе Тейшебаини обнаружены два кубка в форме сапога. Оба сапога – не пара. Один из них украшен бурой росписью в виде шахматного узора, а другой – чернолощенный. Кубки точно повторяют форму урартской обуви вплоть до шнуровок, переданных параллельными линиями³⁰. Модель сапожка обнаружена также в результате раскопок в Кюль-тепе (Северная Месопотамия, конец III тыс.–нач. II тыс. до н. э.)³¹. В музее Древний Иран в Тегеране в экспозиции выставлены четыре кубка-сапога. Один из них бронзовый, III тыс. до н. э., № 2468; три – глиняные, III тыс. до н. э., № 3106; I тыс. до н. э. № 9628 и № 4197; в Музее посуды, I тыс. до н. э. № 670³². Глиняный кубок в форме сапога был обнаружен из раскопок в Ханларе и датируется второй четвертью II тыс. до н. э., хранится в Музее истории естествознания в Вене, № 83226. На чернолощенной поверхности задника сапога изображена од-

²⁸ О. Р. Г е р н и. Указ. раб., с. 122.

²⁹ МНМ. См.: Хебат.

³⁰ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Искусство Урарту. Л., 1962, с. 109.

³¹ О. Р. Г е р н и. Указ. раб., с. 173, рис. 21.

³² Данные о кубках и фото любезно представлены искусствоведом Г. О. Хачикьяном.

нострунная лира³³. Музыкальным инструментом малоазийских богинь была лира, арфа. Лиры были небольшими ручными, пальцевыми – *irri-zinar* и большими – *hup-zinar*, соответствующими логограмме GIS Inanna – лира, большая арфа Инанны³⁴. Мы полагаем, что изображение лиры (источник мелодии) на сапоге, связь имени Шара с иероглифом “пара ног” (“источник” движения), а также с полукругом (полумесяцем) или кругом как вид построения в пляске, не случайны. Сюда же можно добавить лингвистические данные, подтверждающие связь значения армянской основы *sar* и греч. *sarapōs* *sara-podos* – страдающий плоскостопием; *sargana* – жгут, шнурок. Все термины, несомненно входят в круг ритуальной лексики почитания Шара (рис. 2).

Рис. 2. Ритуальные кубки-сапоги.

Учитывая эти данные, возможно предложить несколько новых версий, связанный с термином *šar*.

С. С. Лисициан в 1932 – 1933 гг. и в 1953 г. записала несколько вариантов плясок, в названии которых основа *šar*: Шарани, Шарэбан / Шарабан, Шарафани, Шарафун³⁵. Причем военной пляской в два ряда с саблями, а чаще с палками – Шарани, по свидетельству информантов, завершалась свадьба. Один ряд двигался вправо, другой влево навстречу друг другу. Встретившись, предводители бились палками, стараясь сбить шапку. Победенный выходил из построения, и предводителем становился следующий танцор. Так плясали до тех пор, пока оставался один победитель.

Пляски Шарафани, Шарафуни, Шарэбан/Шарабан – медленные, постепенно ускоряющиеся, но темп не доходит до умеренного. Построение в ряд, с крутыми поворотами торса в сторону шагающей ноги, глубокие пригибы колен, напряженное качание рук позволяют С. С. Лисициан характеризовать

³³ Подробный анализ изображения см.: A. S. Philipposian, A. M. Kamalian. The Armenian Highlands' Musical Instruments and their Ancient East Parallels of III – I Mill. B. C. – Music and Dance on Iconography. Yerevan, 1995, p. 17 – 18.

³⁴ В я ч. В с. И в а н о в. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. – Этимология, 1980. М., 1982, с. 160–162.

³⁵ С. С. Л и с и ц и а н. Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Т. 1, Ереван, 1953, с. 196, 223; Армянские старинные пляски. Ереван, 1983, с. 139. Там же Шарафани, Шарафун, с. 103.

их как эпические с трагическим скорбным содержанием. Записаны они от выходцев Васпуракана, Шатаха, Алашкерта.

В 1968 г. в Егегнадзоре мною была записана пляска Шарвани. Плясали ее на рассвете во время свадьбы после заклания быка во дворе жениха. Двое танцоров с пастушьими посохами, танцуя, двигались по кругу навстречу друг другу и, встретившись, бились палками, стараясь сбить папаху соперника, т. е. "убить".

Во время этнографической экспедиции в Араратский район в 1969 г. потомки выходцев из Ванского вилайета (ныне жители села Ванашен) сплясали мне танец Шарани. Это была пляска с постепенным обнажением, коллективная. Обычно плясали только мужчины в помещении, куда женщины не допускались. Время исполнения информанты не помнили, но, видимо, оно имело место во время мальчишника. Участвовало более десяти мужчин. У предводителя и последнего танцора были в руках по гибкому пруту (розге). Предводитель во время танца обеими руками высоко над собой держал прут, как гирлянду, или переводил руки круговыми движениями вперед на уровень груди, все время покачивая вправо и влево. Последний танцор держал прут высоко в правой руке и помахивал в такт мелодии, которую играли музыканты на зурне и барабане. Все двигались друг за другом по кругу переменным шагом (шассэ), но в определенный момент музыкант вставлял в мелодию специальное звукоподражание крику птицы. Тогда предводитель быстро снимал какую-либо часть одежды и следил, чтобы все повторили его движение. Если кто-либо опаздывал, предводитель и последний танцор начинали его хлестать прутом-розгой. Провинившегося выводили из построения. Плясать должны были долго, до полного обнажения, хотя информанты, стесняясь, говорили, что оставались в нижнем белье. "Плата" за участие состояла в своевременном снятии одежды.

Названия вышеприведенных плясок Шарвани, Шарафуни, Шарабунни, Шарэбуни очень напоминает название средневекового танца Сарабанда, популярного в Испании, в частности в арабской Андалузии, а позже на севере Кордовы. Историк танца Курт Закс считает, что название танца Zarabanda не звучит как испанское слово и похоже на персидское Sar-band, что означает "венки на голове женщины" и может рассматриваться как этимология данного слова³⁶. Популярность этого танца в Европе относится, видимо, к раннему средневековью, но известна в литературе лишь с середины XVI. Впервые Сарабанда упоминается в 1583 г. как танец с пением и речитативом. Но всюду, где осмеливались его плясать, участников наказывали плетью в 1000 ударов, мужчин отсылали на шесть лет на галеры, а девушек изгоняли из королевства.

Иезуитский историк Жуан де Мариана (1536–1623) писал о том, что в его годы стал популярным танец Сарабанда, сопровождавшийся пением с неп-

---

³⁶ C. S a c h s. World History of the Dance. New York, 1963, с. 367. Далее все данные о Сарабанде приводятся из этой книги с. 350, 351, 352, 367–371.

ристойным текстом и с такими отталкивающими движениями, что даже вполне уважаемые люди возбуждались. И более чем удивительно, что этот танец стал фаворитом и легализовался в обществе. Сервантес в начале XVII в. писал: “*El endemoniado son de la sarabanda* (дьявольские звуки Сарабанды)”. В 1599 г. Томас Платтер видел исполнение этой пляски в Барселоне. Ее плясали на улице около пятидесяти мужчин и женщин, стоя друг против друга, отбивая ритм на кастаньетах, отходя назад со странными вращениями торса, рук и ног.

Немного позже (1623 г.) Джамбаттиста Марино восклицал: “Горе той грязной земле, которая стала местом этого варварства. Девушки с кастаньетами, мужчины с тамбуринами изошряются в тысячах позициях и жестах, покачивают бедрами, сталкиваются грудью друг с другом. Они перемигиваются, пляшут, целуясь, и под конец демонстрируют любовь”. Его оппонент Мариан Ортис соглашается, что Сарабанда исходит от дьявольских женщин из Севильи и известна как безумный танец в Андалузии. Причем Марино упоминает схожесть Сарабанды и Чаконы. Об этом же свидетельствуют Лопе де Вега и Эскуивел Наварро. Сарабанда становится настолько популярной, что в 1697 г. в Версале во время свадьбы правителя Бургундии тоже плясали Сарабанду. А уже в XVII в. она входит в состав придворных балетных спектаклей. Темп Сарабанды, как сообщает Б. Бассани (1677 г.) был быстрый (*presto*, *prestissimo*), Иоанн Кухнау (1689 г.) рекомендует играть медленно, а Шмицпер (1689) отмечает как *adagio e staccato*.

Курт Зак отмечает, что все источники об этом танце согласны в одном: Сарабанда была сексуальной пантомимой, не имеющей по себе равной по силе воздействия, хотя многое из сведений остается неясным. Конечно, без знания восточных вариантов, Зак не смог понять психологию этой пляски.

Мы на основании вышеприведенных описаний можем сделать вывод, что плясали Сарабанду в селах, на городских площадях, а позже и в придворном быту, на карнавалах. Но оба варианта постепенно стали значительно расходиться. Вероятно, на раннем периоде, когда сарабанда вошла в быт Испании с востока вместе с персами и армянами, это была пляска с постепенным обнажением и сбиванием шапки с партнера-“противника”, но со временем в нее вошли новые элементы импровизации, хотя и эротический характер сохранился.

Иоганн Себастьян Бах, его предшественники и последователи постоянно включали в свои сюиты и Сарабанду, и Чакону, возможно не подозревая об их древнейших ритуальных истоках.

В быту армян тоже продолжали плясать Шарабани-Сарабанду. Очень схожий танец Шарбуни был записан этнографом Каджберуни в с. Хасанкянд (ныне с. Шатин Егегнадзорского района) в 70-е годы XIX в. в среде армян, выходцев из Ирана (Хой и Салмаст). На свадьбу в пятницу вечером все село собиралось на току для участия в обряде заклания быка для угощения на свадьбе. Громко звучала зурна, оглушительно били в барабан. Молодежь, окружив быка и стоящих в центре музыкантов, весело пля-

ческих регионах. Они носят название Гуси-Гуси, Журавлиная, Зопи. Все они подражательные, комического содержания и хорошо вписываются в понятие карнавального смеха для окружающих (толпы) и смеха сквозь слезы – для наказуемого (“растерзаемого” той же толпой).

Конечно, хронологический разрыв между шумерами, страной хатти (хеттами, лувийцами, палайцами) и современными армянами довольно большой, но типологические детали позволяют предположить возможность реконструкции некоторых сюжетов и мотивов. Так, в хеттском тексте описаны два эпизода гнева богов. “Бог Анцили разгневался, бог (Цукки разгневался/?): левый башмак на правую (ногу) /он надел, правый же башмак? На левую ногу он надел”. И другой пример: “Одеяние себе /.../. Одеяние, /состоящее) из двух частей, он себе /взял/ и на себя верхнюю рубашку (букв. “последнюю по счету”) *хубики* он вначале надел, нижнюю же (рубашку) он последней /надел/”³⁸.

В мифологии переворачивание, различные пространственные обращения, обратные действия указывают на переход из одного состояния в другое, переход в другой мир. Как известно, облачение в старье, надевание одежды наизнанку и другие приемы были постоянными эпизодами не только в ритуальных танцах, но и в Сатурналиях.

Гнев богов – тоже постоянный мотив в характеристике богов. Напомним хотя бы начало Илиады Гомера “Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, // Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал” (Гомер, Илиада, 1).

Многочисленные темные места в прочтении хеттского текста позволяют видеть не просто художественный (литературный) прием, а возможный вариант эпизода бытовавших плясок с обнажением. Так, во время церемонии Килам у больших ворот в четырехколесные повозки впрягли животных с разукрашенными рогами, видимо быков. К передней части ярма прикрепляли изображение в виде серповидной луны. Позади повозки вставляли десять или большее число танцоров, и *нагой* танцор кружился³⁹.

Можно сопоставить наказание старика в пляске Шарабунни с обрядом четвертого дня праздника Хассумас. В этот день “служители выводили наружу козла, освеживали его и съедали. Затем они брали шкуру козла, раздевали слепца, били слепца и вели его в *хесту*. И здесь они устраивали ритуальную трапезу”⁴⁰. *Хестой* хетты называли помещение-усыпальницу, где погребали останки царей. Слепец, по всей вероятности, был стариком. Поскольку этот обряд можно характеризовать как карнавальный, то, несомненно, процессия, сопровождавшая старика сопровождалась смехом, бранью, улюлюканьем, возможно, побиванием камнями. Примером тому средневековые глумления толпы над обреченными на *auto da fe*.

³⁸ В. Г. А р д з и м б а. Указ. раб., с. 134.

³⁹ Там же, с. 29.

⁴⁰ Там же, с. 41.

Полевые материалы позволяют восстановить многие звенья в бытовании ритуальной пляски Шарабуни/Шаравани и Сарабанды /Сараванды. Выше мы предложили разные толкования основы *šar*. Неясным остается частичка (суффикс) *wanda*.

По мнению ряда ученых, которые приводит Л. А. Гиндин, этот суффикс характерен анатолийским индоевропейским племенам, близким к хетто-лувийским диалектам и выражает отношение места (местности) к предмету, явлению⁴¹. Причем, если Ширак, как топоним, связан с Шара, то Шарабанда /Сарабанда имеет прямое отношение к божеству Шара как его ритуальный танец творения, который плясали все боги. В качестве примера можно привести пляску Вакха – Вакханалия, Краковяк – от имени дракона Крака, обитавшего в Кракове, пляска сатиров как Сатурналии и т. д.

Мы учитываем то, что основное ядро традиции не изменяется, а типологическое, историческое, археологическое, лингвистическое сопоставление фактов позволяет нам проводить реконструкцию архаичных элементов в истории армянской культуры и заключить о почитании божественной пары Астхик – Шара и их ипостасей в Армавире и Шираке как покровителей земледелия, в частности, осенней жатвы в пятом месяце (июнь) – *к'ахоц*, соответствующем месяцу летнего солнцеворота, после которого солнце постепенно «сходило» в преисподнюю. Но чтобы «обеспечить» богатую жатву, надо было «очиститься» перед началом посева, ритуал которого был приурочен к весеннему равноденствию и назывался у армян *Barekendan*, у русских Масленица, в странах Западной Европы – Карнавал, а в древнем Риме – Сатурналии.

ՇԱՐԱՆ ԵՎ ԱՍՏԴԻԿԸ ՇԻՐԱԿԻ ԳԼԽԱՎՈՐ ԱՍՏՎԱԾՆԵՐՆ ԵՆ

ԷՄՄԱ ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ն լ մ

Շիրակի տիրակալ հայկազուն Շարայի և շումերական Շարայի (վերջինս Ումմա քաղաքի երկրագործությունը հովանավորող աստվածն է, արշալույսի աստվածուհի Ինանայի որդին ու սիրեկանը) գործառույթների համեմատությունը թույլ է տալիս հանգելու հետևյալին, որ շիրակյան Շարայի անունը կարելի է ստուգաբանել որպես սեմական shahr՝ «նորելուկ լուսին», «Լուսին» և համարել Աստղիկ աստվածուհու սիրեկան: Շարայի

⁴¹ Л. А. Г и н д и н. Язык древнейшего населения юга балканского полуострова. М., 1967, с. 160–161. В хеттолувийской топономастике суффикс *wanda/-anda* имел оттенок собирательности и не характерен для личных имен, если они не образованы от местных названий.

շատակերությունը հնարավորություն է տալիս նրան դասել պտղաբերության աստվածների շարքում և նրա տոնը կապել «Բարեկենդան-փորեկենդանի» հետ: Այդ տոնի հիմնական նպատակն էր ցանքսից առաջ սրբազան մաքրումը և բարգավաճ քաղի ապահովումը: Մաքրման ծեսի նպատակն է համայնքի մեղքերը բարդել մի ծեր անձի՝ «քավության նոխազի» վրա: Այս ծեսի պարային տարրերակն է «Շարաբունի» պարը, որը Գիլիկիայից, Միջերկրական ծովի ափերով հասել է Իսպանական Անդալուզիա, տեղայնացվել և հետագայում ներթափանցել եվրոպական երկրներ՝ որպես Մարաբանդա պալատական պար: Շումերական աստծու Saruma/Sharma/Shara գաղափարագիրը պարով և սրբազան շարժումներով աշխարհի ստեղծումը խորհրդանշող զույգ ոտքերը կամ կոշիկներն են: Նրա զուգահեռներն են հայթական, հեթական, լուվիական երկրագործության և լուսնի Շարումա, Մարմաս, Մարուվանիս, Մարմա, Շարմա աստվածները:

SHARA AND ASTGHIK ARE THE SUPREME GODS OF SHIRAK

EMMA PETROSYAN

S u m m a r y

The comparison of the functions of the lord of Shirak Shara and Sumerian agricultural god Shara (the latter is the lover and the son of rising star Inana) lets us consider that it is possible to etymologize the name of Shirak Shara as a Semitic root *shahr* - the Moon, the new Moon and consider Shara the lover of goddess Astghik. The gluttony of Shara gives possibility to include him in the rank of the gods of fertility and the date his feast is in Shrovetide – Carnival. The aim of that feast is a ritual lustration and also to put the blame of community upon an old man (“scapegoat”) before sowing. The choreographic version of this rite is dance Sharabuni which later transmitted from Cilicia to Spanish Andalusia and after this tradition of dancing transformed into court dance Sarabanda. The ideogram of name of Sumerian Saruma/ Sharma/Shara are pair of boots or shoes, symbolizing the Creation of the World by dancing and sacral movements. The image of Armenian Shara has parallels Hatti, Hittite, Luvian agricultural and the Moon gods Sharma, Saruma, Sarma, Saravanis, etc.